

Татьяна Васильевна Решетникова

Любимый город на краешке Земли...

Любимый город на краешке Земли,
Вдохнуть в тебя бь былаю силу!
Поярков вместе со дружиной шли,
Приумножая мощь России!

Здесь золото, пушнина, сопки до небес,
Могучих рек широкие разливы.
Здесь первый солнца луч и первый снег,
Дремучая тайга и колосятся нивы.

Такой красы вовеки не найти
Ни в ближних, ни в далеких далях!
И хочется в горячем сердце унести
И подарить все тем, что этого не ведали, не знали.

Мой городок, ты часть моей души,
Мой огонек, и вдохновение, и радость,
Ты материнский зов: «Спеши, сынок, спеши!»,
Ты – родина моя, моя ты слабость.

Когда брожу по улицам твоим,
Любуюсь вязью окон, музыкой капели,
Услышав перезвон колоколов,
Вдруг вспомню майские метели,

Когда весь город, утопая в зелени листвы,
Одет в черемуховый цвет, что в платье подвенечном,
В руках он держит свадебный букет
Из лилии цветов и яблони беспечной.

И по ветру летят калины лепестки,
И покрывает землю тополиным пухом,
А вот сирени куст собрался зацвести,
Наш друг-комар звенит над ухом!

И в этот миг так хочется любить
Весь мир, кольцом забрать в объятия,
И хочется со всеми вместе быть,
И хочется сказать: «Эй, люди, все мы братья!

Давайте ж в мире жить, наполнив его светом!
И помнить тех, кто дал нам это право,
Кто, отдавая жизнь за власть Советов,
Лежит под плитами на Коммунаров.

Чьи имена на обелисках батальонами идут,
Что в сорок первом защищали Ельню.
Их до сих пор родные дома ждут,
Но полегли они в чужую землю...

Отцы здесь наши юность отдавали,
Чтоб встала ГЭС в сплетении бетона-стали!
Чтоб свет надежды, веры и любви
Несла по проводам во все концы страны!

И мы должны все это здесь попать?!
Отдать кому-то, кто не знает эту землю,
Не любит нашу мощь и благодать
И кто нас с вами вовсе не приемлет?!

Любимый город! Кусочек Родины огромной!
Пусть будет над тобой счастливая звезда сиять,
Пусть будет вклад наш очень скромный,
Мы не должны свой городок забвению отдать...».

На вернисаже

Казалось, знаю все о родине своей:
Как шепчут травы, как бежит ручей.
Но вдруг увидела другими я глазами,
Какое небо синее над нами,
Как широки заманчиво просторы,
Как сказочно высоки наши горы...

Такая красота вокруг!
Нет слов, чтоб рассказать об этих красках!
То пламень осени взметнулся вдруг
И лес-ведун стоит, как в русской сказке.

Дорога вниз бежит, спасаясь от пожара,
А языки огня все лижут колею,
И, кажется, ему дороги мало –
И он бежит к холодному ручью.

Вот за ручьем огнем горят березы,
Осинки тонкие в багрянец облеклись,
Рябины в гроздья заплетают косы,
Кусты бузины угольком взялись.

И только сосны, ели, как колдуньи,
Стоят в своих нарядах вековых.
И пусть разбойник-ветер грозно дунет,
Пусть погрузит он в песни верховых.

Пусть он споет им эти песни на прощанье
О жарком дне, о серебре росы,
О шепоте травы, как заклинанье,
Холодном роднике, жужжании осы.

Пусть в них звучит мелодия рассвета,
Июльских знойных дней задумчивая стать.
Пусть будет в них и дождь, и море света,
И августа седого благодать.

Счастье на века....

И за шесть тысяч верст
Будет сниться мне створ
Весь в серебряной пене,
В изумлении гор...

Кажется, это было так давно и так недавно. В Зею нас привезла мама. До этого мы жили на Алтае, на родине отца. Зея - мамина родина. Она так тосковала по ней! У мамы был прекрасный голос и абсолютный слух. Тоскуя по родной стороне, мама часто пела «Шуми, Амур, шуми, наш батюшка». Так величественно и так трогательно, что мне самой хотелось плакать. Я всегда представляла что-то необозримое, с высокими горами, среди которых несет свои воды широкий и могучий Амур.

Шел 1963 год. Шесть суток мы ехали от Бийска до станции Тыгда. На границе Читинской и Амурской областей в вагоне поплыли звуки вальса, которые заставили плакать маму навзрыд. Это были «Амурские волны». Теперь я понимаю, что мама плакала от предчувствия той минуты, когда она увидит свой родной город. Честно сказать, как я потом уже узнала, от Зее до Амура довольно далеко. Это позже были «Мой друг работает на Зее» Пахмутоваой и Добронравова, посвященные начальнику строительства Зейской ГЭС Шохину, стихи Рождественского:

Ты пока что напрыгайся, Зея,
Скалы вымой, кедрач остуди,
Через эту протяжную землю
Горделиво и крупно лети....

Но тогда по вагону поплыли «Амурские волны»...

Нам предстояло ехать еще на автобусе более сотни километров сквозь дремучую тайгу, потом на пароме переправляться на другой берег Уркана.

И вот мы в Зее. Август. Вышли из автобуса на рынке, стоит звенящая тишина. Автовокзал из беленых бревен, дома деревянные, низкие, со ставнями. Мне, приехавшей из большого промышленного города, показалось все вокруг чужим, зловещим. Я держу крепко за руку маму, чувствую, как к горлу подступает ком непрошенных слез. В тот момент я не могла представить, что Зея будет тем местом, где я проживу всю жизнь, здесь

пройдет мое детство, юность, и вся взрослая жизнь. Все печали и радости будут связаны с Зеей. Но тогда мне она сразу не понравилась. Долго еще буду плакать и просить родителей уехать домой. Осенью я пошла в школу, в пятый класс, появились друзья-товарищи, новые заботы, и тоска моя стала притупляться.

Наступил 1964 год. Уже в марте этого года прибыли первые гидростроители. Зeya заметно преобразилась. Потянулась тяжелая техника на глазах ошеломленных жителей города. Это было грандиозно! Мальчишки гурьбой бежали за тяжелыми самосвалами, которые носили гордое название МАЗ-200М. Они сами были гордые и величественные. К нам в школу пришли учиться дети гидростроителей. Историю преподавала Галина Петровна Шохина, жена начальника стройки Шохина Алексея Михайловича, литературу вела Елена Борисовна Волынец, жена заместителя начальника строительства Волынца Эдмунда Адамовича. В параллели со мной учился Володя Шохин.

В сентябре этого же года состоялось первое организационное собрание членов ВЛКСМ, гидростроителей, на котором присутствовало 24 человека. Так зарождалась комсомольская организация Всесоюзной ударной комсомольской стройки - Зеягэсстрой.

Почему я говорю об этом? Потому что мне посчастливилось быть причастной к тем событиям. Два с половиной года я отработала на стройке, вначале в бригаде маляров, а потом – в геодезии СМУ-2, затем в СМУ ПГС. Без преувеличения скажу, что это были одни из самых замечательных лет моей жизни. Держу в руках книгу воспоминаний Леонида Голуба, нашего комсомольского вожака в те далекие годы, о строителях Зейской ГЭС и Комсомоле с поэтическим названием «И за шесть тысяч верст будет сниться мне створ...». Это строчки из песни «Серебряный створ», написанной студентами Одесского инженерно-строительного института. Листаю страницы, вижу знакомые имена и мысленно возвращаюсь к тем незабываемым дням. Серебряный створ – это расстояние между двумя хребтами, Тукурингрой и Соктаханом, где несла свои воды непокорная Зeya.

Не поступив в институт, я работала в «Зeyaгэсстрое». Кто-нибудь подумает: что за романтика бегать по морозу или под палящим солнцем с рейкой за плечами. Но если отбросить трудности, неудобства, которыми сопровождался нелегкий труд строителя – все это покажется мелочами жизни, и прибавить к этому молодость, безрассудство, плюс воспитание на высоких идеалах, тогда поймешь это неповторимое чувство романтики. Помню все до мелочи.

Зимнее утро. Мороз где-то за сорок. От реки поднимается туман, все в серебре – чертоги Снежной королевы. Красота неопишная! Прихватив нивелир и геодезическую рейку, бегу к машине, где меня уже ждут начальник геодезии, рабочие, прораб. И вот машина, взревев, натужно поднимается в гору, спешит туда, где начинается строительство телевышки. Да, именно той, которой мы сегодня пользуемся, откуда к нам в дома идет трансляция каналов телевидения, это еще и обзорная площадка. Ты

чувствуешь сопричастность к великим событиям, которые преобразуют наш край. Обстановка соответствует.

В машине тишина, все заморожено наблюдают через окно, как встает зимнее солнце. Огромный раскаленный шар поднимается из-за речных далей. Я никогда еще такого не видела! Красный диск в обрамлении дымки кажется инопланетным кораблем. Все это заставляло задуматься о неповторимости нашей земной жизни, о том, что создали человеческие руки на зейской земле в те далекие годы! Тогда мы свято верили, что это на века. Будет людям счастье....

А вот я опять с четырехметровой рейкой стою на самом краю ряжа, внутри него черная, как деготь, вода, наверное, там метров шесть-восемь. Страшно! Но это моя работа. Готовим разметки под причал угля. Здесь я даю клятву, что на следующий год обязательно надо поступать в институт- не дело бегать с рейкой по столь опасным местам. А пока, схватившись обеими руками за рейку, чуть ли не закрыв глаза, чтобы не видеть этой водной бездны, я жду указаний начальника Валентина Поспелова. Рейку мотает ветром из створа, она жалобно поскрипывает. И вот отбой. Я собираю рейку, забираю нивелир и бегу по тоненьким досточкам над бездной. Фу, наконец-то я внизу. Счастливая, размахивая футляром с нивелиром, вприпрыжку бегу по льду к берегу, и... ух, у самого берега проваливаюсь по пояс в ледяную воду. Ребята из бригады плотников смеются, но крепкими руками подхватывают, вытаскивают из воды.

Следом за мной проваливается Виктор Токарский, который только что задорно хохотал. Нас отправляют в вагончик, где топится печь, чтобы обсушиться и дожидаться машины, которая развезет нас по домам. А пока мы сушимся у печки, пьем чай и играем в домино. Для нас рабочий день закончился.

Можно бесконечно вспоминать интересные истории, что случались с нами во время работы. Все воспринималось весело, со смехом. Мы же были молоды. Однажды нас отправили на съемку и разбивку местности под пионерский лагерь «Салют». Наш начальник настроил теодолит, расставил нас на определенном расстоянии и... мы исчезли из поля зрения. Что такое? Что случилось? Оказывается, мы наткнулись на огромную марь с голубицей. Вокруг синяя дымка. Глаз не отвести. Ягода крупная, сочная, так и просится в рот. Конечно, пока мы вдоволь не наелись, к работе никто не приступил. Попало нам здорово, но зато удовольствие получили большое.

Да, а еще мы были комсомольцами! Сейчас много негативного говорят о комсомоле, о пионерской организации. Что, мол, заорганизованность была молодежи, заполитизированность. Возможно. Но многим нравилось. Стройка-то была ударная комсомольская. Как по-другому?! Столько молодежи, столько счастливых лиц я не видела никогда: ни до стройки, ни после. Что стоит только одна стела при въезде в город по проекту Бориса Аренгауза «Зейская ГЭС – Всесоюзная Ударная комсомольская стройка»? На ней изображен молодой строитель, указывающий рукой дорогу к створу, где строилась Зейская ГЭС. Дорога в будущее. Моделью для строителя стал

Сергей Тесла – член комитета комсомола стройки, командир оперативного комсомольского отряда(ОКО), красавец-цыган, водитель БелАЗа.

Одно из самых интересных воспоминаний, что связано с комсомольскими починами – это операция «Даешь скалу!». Комсомольцы стройки и до этого события работали на субботниках. Это и столовая «Бригантина», и столовая «У створа», и многое другое. Помню, как мы, молоденькие девчонки, с большим энтузиазмом работали на подготовке столовой «У створа» к принятию рабочих смен, которые трудились на строительстве ГЭС. Нас приветствовал сам начальник ОРСа И. Н. Зарубин, пригласил работать в построенной столовой. «Такая красота,- сказал он, - должна украшать быт наших трудящихся, улучшать их аппетит». Все дружно посмеялись, у каждого были свои планы.

Операция «Даешь скалу!» - это событие стало выдающимся в истории строительства и в судьбе комсомола стройки.

Приведу полностью отрывок из книги Леонида Голуба, так как он изнутри знал проблему, возникшую на строительстве.

«Важнейшим комсомольским почином осени 1971 года стала операция «Даешь скалу!» На первом этапе весной 1971 года это была подготовка основания водобойной плиты и гребенки водосливной плотины. А через год для обеспечения перекрытия надо было до паводка 1972 года полностью завершить низовую раздельную стенку, которая должна была стать перемычкой левобережного котлована. Однако три последних столба оказались на месте временной земляной перемычки, которую можно было разобрать весной при низких расходах реки. То есть сроки очень короткие, а людей, как обычно, не хватало.

И тогда комитет комсомола объявил этот объект ударным и принял решение каждому комсомольцу отработать вне рабочее время по три полных смены. Этому предшествовала большая разъяснительная работа, и большинство комсомольцев откликнулись на эту инициативу. Конечно, в первую очередь непосредственно организовало работу СМУОС (основные сооружения). Но были сложности, ведь это не постоянный, привыкший контингент, каждый день новые люди, некоторые и в котлован-то впервые попали. И инструмент, и техника безопасности, и кран, кураторы-звеньевые, и стропальщики из основной бригады. И надо научить эту скалу брать, и вдохновить надо, ведь еще и морозы.

Но главным было мобилизация молодежи, чтобы вовремя, точно по графику на блок прибыла группа 10-15 человек. Обычно это была вторая смена с 17 часов до часу ночи и две смены в выходные. А ведь на стройке шла обычная жизнь, основную работу никто не отменял, это смены, а то скользящий (4-хсменный) график. Ведь это было довольно сложно. Поэтому и секретарь комитета, и начальник штаба В. Шуклин в первую половину дня - в том подразделении, которое по графику выходит в котлован, а во вторую – на блоках».

Это - взгляд на сложившуюся ситуацию организатора операции, ее вдохновителя, руководителя. А как мы, молодежь стройки, отнеслись к

почину? Царил небывалый подъем. Для нас этот призыв звучал так же, как и в дни Гражданской войны: «Даешь Перекоп!».

Я именно из тех, кто в котловане побывал впервые. Конечно, вначале охватывало волнение, даже немного страх: как же это будет?! И вот нас в автобусе подвозят на верхний бьеф. Надо спуститься в блок на глубину 6-8 метров, там внизу вода, лед и скала. Надо все подчистить до базальта. Ведь на нем будет стоять тело плотины. Вначале выдают резиновые сапоги и перчатки. У меня 37-38 размер ноги, мне же достаются сапоги 40 размера. Что делать? Обматываем ноги паклей, напихиваем ее внутрь сапога и вперед. Хохот, шутки, подтрунивание.

Самое интересное, мы так и работаем всю смену. Ребята отбойными молотками долбят скалу, а мы, девчата, грузим все это в бадью, кран поднимает груз наверх. Помню, как после первой смены мы, уставшие, садимся в автобус, глаза закрываются. Тут вваливается крановщик и с матами рассказывает, как комсомольцы не дали ему передохнуть за смену. Говорит: «Думал, быстро скапустятся, а они хохочут, и только слышно «вира», «майна!». Опять мат, на него зашикали – здесь же девчата.

Несколько лет спустя, когда я уже работала в школе учителем литературы и давала на уроках «Как закалялась сталь» Николая Островского, анализировала эпизоды о строительстве узкоколейки, взятие Перекопа. Я рассказала о беспримерном трудовом подвиге ребят, строивших Зейскую ГЭС. Это был 1991 год, в стране проходили необратимые политические события, не стало такой великой страны, как СССР, низвергались все идеалы советского времени.

11-й класс, дети взрослые, они уже сформировали определенные взгляды на проблемы, свою жизненную позицию. То, что я рассказывала, восприняли с ухмылкой, а некоторые с откровенной издевкой. Кто-то высказал предположение, что, мол, вы вкалывали, а некоторые денежки положили в карман. На что я ответила, что никогда не задумывалась об этом, возможно, но единственное скажу, что свою юность на вашу ни за что не променяю! И это правда, как и то, что мы жили интересней, чем живет теперешняя молодежь...

Но до этого момента мы, молодые и сильные, строили новую жизнь. На века! Как вспоминает Леонид Голуб: «Были сбои при организации. То нет крана, то встретить некому, но относительно быстро все наладилось. Всего, при численности комсомольской организации стройки в 543 человека, было отработано почти 800 смен».

К сожалению, не обходилось и без жертв. Весной 1971 года в котловане стала формироваться комсомольско-молодежная бригада плотников-бетонщиков. Ее организатором и руководителем стал Борис Шер, он первый возглавил комитет комсомола стройки. Красавец, умница, весельчак. Глаз отвести от него было невозможно, настолько был красив. 9 марта 1972 года Борис героически погиб, защищая блок от пожара. Очевидно, сорвало трубку для подачи солянки в печку «Арарат». Борис бросился перекрывать доступ топлива и задохнулся в дыму. Я помню тот солнечный день, когда мне о

случившемся сообщил наш начальник геодезии Анатолий Канин. Помню, как повисло траурное молчание, которое разорвало чье-то жалобное рыдание. Это оказалось большой трагедией и для молодежи, и для всей стройки. Осталась семья. Позднее бригаду Шера принял Леонид Дроздов, и этот комсомольско-молодежный коллектив многие годы гремел по всей стройке.

Мой отец, Бурыкин Василий Фомич, к этому времени работал ведущим специалистом службы техники безопасности Зеягэстроя. Ему приходилось выезжать на происшествия. Однажды ночью его вызвали в котлован, там погибла девушка, сорвавшись с высоты. Она была родом из Белоруссии.

Я не знаю, что за причина, шло следствие, нужно было сообщить родителям в далекую Белоруссию, отправить туда тело. Помню, что папа тяжело это пережил. Хочу сказать, что строительство такого гиганта, как наша станция, это не прогулка. Все давалось с большим трудом, многое делалось на энтузиазме молодежи, комсомольцев.

Не надо думать, что мы только работали, соревновались, совершали трудовые подвиги, сдавали Ленинские зачеты. Нет, мы еще умели отдыхать. Центром всей культурной жизни строителей и города в целом, несомненно, был клуб «Ровесник», ныне Дом детского творчества. В нем сосредоточено было все. Проводились танцевальные вечера, которые, кстати, мы посещали и тогда, когда участвовали в операции «Даешь скалу!». Отработал на основном производстве, смену в котловане, а вечером - на танцы! Это так, к слову. Мы же были молодые!

Все двигалось, бурлило, перемещалось. И всюду счастливые, задорные лица! Художественная самодеятельность стройки кипела. В смотрах принимали участие все подразделения стройки, что выливалось в фестивали песен, танцев, музыки.

В это время я работала в геодезии СМУ-2, которым руководил Л.Ю. Полос. На смотр художественной самодеятельности был выставлен хор в 60 человек. Я принимала активное участие в нем. Небывалое количество участников! Но нас кто-то обошел, уже не помню, конечно, мы были несколько расстроены, однако получили свою долю аплодисментов, самое главное – удовольствие.

Проводились тематические вечера, в которых участвовали тоже все подразделения, придумывая самостоятельно им названия. Вершиной всего были познавательный устный журнал «Орбита», музыкальный «Октава», и, конечно же, КВН. Когда в «Ровеснике» проходили эти мероприятия, яблоку негде было упасть: люди стояли и сидели в проходах, по стенкам, нарушая все правила противопожарной безопасности. Очень хорошо помню праздник Нептуна, праздник Русской березки, где проводились серьезные и шуточные состязания. На эти праздники выезжали целые коллективы. Кипела и спортивная жизнь стройки, в которой были заинтересованы руководители всех подразделений.

Мы жили, мы создавали, мы творили. Красивой террасой поднялся поселок Светлый, построен стадион, спорткомплекс с плавательным бассейном, торговые центры с красивыми названиями «Мрия», «Троянда», гостиничный

комплекс «Серебряный створ», столовые «Березка», «Бригантина», «У створа», «Соктахан».

Мы были везде первыми. Мы строили первую на Дальнем Востоке ГЭС. Верили, что ее свет укажет нам путь на многие десятилетия нашей счастливой жизни. И так грустно сейчас смотреть, как чахнет наш некогда красивый, уютный зеленый городок. Уже не восхищают приезжих его компактные улочки, ровные дороги, новые названия магазинов. Все приходит в упадок. Нет той индивидуальности, что была. Даже сопки, которые покоряли всех своим величием, красотой перестали радовать сиреневым пожаром весной и разноцветьем осенью - все выжжено, как после набегов кочевников.

Хочется верить в возрождение Зеи, ведь не зря же наши предки когда-то заселили берега непокорной, но уже теперь покорённой Зеи-реки.